

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3

2021

Д. И. Макаров

Сергей Сергеевич Хоружий (05.10.1941–22.09.2020). Некролог

DOI 10.47132/1814-5574_2021_3_448

Аннотация: В некрологе предлагается краткий обзор научно-философского пути выдающегося русского мыслителя, специалиста по исихазму и русской философии, и его основных трудов. Отмечается значение идей С. С. Хоружего для современной русской мысли.

Ключевые слова: С. С. Хоружий, русская философия, прот. Г. Флоровский, исихазм, славянофильство.

Об авторе: **Дмитрий Игоревич Макаров**

Доктор философских наук, доцент, профессор и заведующий кафедрой общих гуманитарных дисциплин Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского.

E-mail: dimitri.makarov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-6190>

Ссылка на статью: Макаров Д. И. Сергей Сергеевич Хоружий (05.10.1941–22.09.2020). Некролог // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 448–452.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2021

Dmitry I. Makarov

**Sergey S. Horuzhy (October 5, 1941 – September 22, 2020):
An Obituary**

DOI 10.47132/1814-5574_2021_3_448

Abstract: In the obituary we give a short account of the scientific and philosophical achievements of the outstanding Russian philosopher, an expert in hesychasm and the Russian philosophy, as well as an overview of his main works. We underline the importance of Sergey S. Horuzhy's ideas for contemporary Russian thought.

Keywords: Sergey S. Horuzhy, Russian philosophy, Archpriest George V. Florovsky, hesychasm, the Slavophile movement.

About the author: **Dmitry Igorevich Makarov**

Doctor of Philosophy, Associate Professor and the Head of General Humanities Department at the M. P. Mussorgsky Urals State Conservatory, Ekaterinburg.

E-mail: dimitri.makarov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-6190>

Article link: Makarov D. I. Sergey S. Horuzhy (October 5, 1941–September 22, 2020): An Obituary. *Khristianskoye Chteniye*, 2021, no. 3, pp. 448–452.

22 сентября 2020 года ушел из жизни Сергей Сергеевич Хоружий. Особенно горестно это известие для тех, кто осознавал и осознает масштаб дарования покойного и значимость для нашей эпохи, равно как и для последующих эпох, его богословских и философских идей и счастливив почитать себя в числе близких друзей усопшего. Разумеется, скорбь эта с самых первых минут сопровождается и тихой радостью — о новопреставленном рабе Божиим, только что вошедшем (чаем! верим!) в пир Господина своего, в тот *громовой вопль восторга серафимов*, который волновал и манил Достоевского. В тот Фаворский свет, о котором усопший столько сказал, написал и передумал на протяжении земной жизни.

Физика и математика, литература и переводческое искусство, языки, философия и богословие у Сергея Сергеевича Хоружего органичным образом дополняли друг друга, вырастая одно из другого и одно через другое прорастая — к некоему высшему синтезу строгой, в духе Гуссерля, феноменологии и русско-византийско-паскалевской кардиогности, Разума и Чувства, Родного и Вселенского. Нельзя даже сказать, что он *пришел* к философии через математику, как Бадью, или через богословие, как отец Павел Флоренский, — настолько естественно было в нем с самых младших лет это соцветие талантов. Такая духовная конституция встречается у наиболее возвышенных людей, и как раз Русская земля богата подобными талантами (примеры великих можно множить, и прежде всего — из той бессмертной ветви русской религиозной философии вплоть до Лосева и Библихина, которую Сергею Сергеевичу было суждено — и благословлено — сохранить, преумножить и сберечь в отнюдь не тепличных условиях). Но в связи с этой конкретностью мышления, этим — представленным Сергеем Сергеевичем в преизрядной мере — конкретным идеализмом можно вспомнить и таких великих собирателей русского и византийского духовного космоса, как Владимир Николаевич Лосский, прот. Георгий Флоровский (лучшим знатоком идей и взглядов которого в России был С. С. Хоружий), Сергей Сергеевич Аверинцев, и — помимо блестяще синтезированных Хоружим философски с идеями исихазма Хайдеггера и Фуко — мы бы здесь вспомнили и тот итальянско-испанский конкретный тип мышления, что представлен Вико и Кроче, Мигелем де Унамуно и Хосе Ортегой-и-Гассетом...

Невзирая на все эти немислимые порой переплетения, на любовь к высокой культуре и музыке и чрезвычайную и очень ответственную погруженность в эту культуру, Сергей Сергеевич, думается, оставался прежде всего русским странником, пилигримом, пришедшим в сей мир, чтобы воспринять великие духовные традиции, связать их воедино, осмыслив в современном контексте децентрации, десубъективации и *fin de tout*, и в обновленном виде, преумножив, передать грядущим поколениям.

Духовное учение исихазма играло в этом синтезе мирозерцания и жизнестроения совершенно особую роль. И тут пишущему отрадно вспоминать и осознавать, как скромно — но с тихой уверенностью, плурифорией (о которой пишут старцы как о признаке посещения души Св. Духом — в частности, пс.-Макарий Египетский) — усопший сообщал ему о том, что место его работ, его делянка, или домен, называется антропологией исихазма... По великой скромности души он не почитал и не мнил себя византологом (хотя принимал участие в организации ряда византиноведческих конференций, в том числе и посвященных великому 2000-летнему юбилею христианства, и входил в редколлегию книжной серии «Византийская библиотека»). В узких кругах последователей, почитателей и друзей известна любовь Сергея Сергеевича к картине Нестерова «Мыслители»; одно из последних его фото сделано в Третьяковской галерее как раз перед ней. Я бы сказал, что эта фотография и сама совмещенность — в одном локусе и ракурсе — отца Павла Флоренского, Сергия Булгакова (тогда еще не отца), Нестерова и Хоружего — один из символов нашей современной культуры. Сергей Сергеевич категорически не принимал марксизм-ленинизм и прочие «измы», считая их ответственными — помимо прочего — за очередной виток катастрофических разрывов русской жизни, духовности и культуры. И не нужно дожидаться наступления «времен отдаленных», чтобы в этом вопросе,

как и в ряде других — о Джойсе, о св. Григории Паламе, о прп. Максиме Исповеднике, — согласиться с ним. Будучи личностью цельной и ответственной (и по Бахтину, и в иных системах координат), Сергей Сергеевич не бросал слов на ветер и не произносил ни слова зря. В последние годы и месяцы его беспокоили темы эсхатологии и апокалипсиса культуры; свое последнее выступление на легендарном семинаре Института синергичной антропологии (основанного Сергеем Сергеевичем при деятельной помощи Елены Леонидовны Ивановой и еще нескольких коллег) он посвятил именно этой теме.

Будучи человеком, глубоко укорененным и в современности и рядом своих граней сообразным с ней, Сергей Сергеевич вполне прилично разбирался в современной технике и в то же время предупреждал против чрезмерного погружения в виртуальность, против чрезмерного серфинга в ее волнах... То исихастское трезвение ума, о котором говорят отцы «Добротолюбия», то внутреннее духовное делание и самособирание души, о котором свидетельствовал своей жизнью прп. Феодосий Печерский и о чем блестяще убедительно и с полной и неотразимой доказательной базой написал Владимир Николаевич Топоров, являл собою в изрядной мере и Сергей Сергеевич.

Однажды Хоружий написал о том, что не прочесть в молодые годы «Столп и утверждение Истины» Флоренского — потеря для всех, кто вырос в русской культуре. Как известно, книга эта открывается цитатой из диалога «О душе и воскресении» св. Григория Нисского: «...и познание станет любовью». Нельзя не подчеркнуть в этой связи памятное всем: всякому, кто заглядывал в эти глаза и кому удавалось улучшить и воспринять направленный на тебя ответный теплый и согревающий взгляд, ясно чувствовалось и виделось, что усопший жил любовью — к предмету, к Богу, к окружающим людям, к тому общему делу, каковым являлась для него и круга его единомышленников синергичная антропология в ее разного рода ризоматически переплетенных философских и культурных контекстах. Развивая последние лет 40–50 (а быть может, и больше) это направление, усопший буквально воочию воспринял тот фонарь и тот огонь живой свечи, который в дни его молодости несли в Москве внушки Густава Густавовича Шпета, люди из окружения Алексея Федоровича Лосева... И мировоззрение, выросшее из этой любви и отразившее в себе ее дивный пламень, могло быть только цельным: вселенская отзывчивость при вселенской культуре, верность русским, византийским и исихастским традициям при погружении в общемировые — это было одной из граней кредо Сергея Сергеевича.

В последующие дни, месяцы и годы будут еще неоднократно вспоминаться его замечательные труды: «Диптих безмолвия», «Аналитический словарь исихастской антропологии», «Исихазм как пространство философии», «Феноменология аскезы», «О старом и новом», двухтомные «Исследования по исихастской традиции», «Социум и синергия: колонизация интерфейса» и многие другие. Они уже вызвали и вызовут еще массу откликов, обсуждений и споров, оказываясь той плодородной почвой, которая постепенно перерабатывает общую массу русской философии в некое логостроительное делание, возвращающееся к истокам и, в конечном итоге, к предельному Истоку и пробуждающее к жизни умы и сердца, сознание и совесть идущих за основателем. Это не какая-либо школа в институционализированном виде, и еще меньше это похоже на академически формализованный институт или на некий внешне благообразный истеблишмент, но это та духовная закваска, которая не оскудеет в сердцах, душах и умах многих думающих, мыслящих и чувствующих людей как в нашем Отечестве, так и за его пределами. Чрезмерно же кратко упоминание исключительно обширной и многосторонней печатной продукции Сергея Сергеевича, выходявшей, помимо русского, на английском, немецком, французском, новогреческом, польском, китайском языках, вызвано было желанием говорить в первую очередь о том, чему писавший сам был непосредственным свидетелем и что отлилось — в результате долгих бесед и прогулок, переписки и обсуждений (в Москве, Санкт-Петербурге, Белграде, Меркушино... на Родосе...) — в совершенно особый подвид «сердечного дискурса», имевший исключительное значение для становления личности и субъектности.

В последние месяцы Сергей Сергеевич активно интересовался научными проектами — своими и окружающих, размышлял и вопрошал о том, как можно будет настроить общую философскую жизнь после победы над инфекцией...

Вновь и вновь оказывается актуальным мудрое увещание поэта: «...не говори с тоской: „Их нет“, но с благодарностью — „Были“». Впрочем, прошедшее время здесь неуместно, ибо такие люди — как маяки, чей свет не проходит бесследно. Светя и согревая нас сегодняшних, связывая разные концы времен и приводя их к Вечности, они продолжают свою миссию и по отношению к грядущим поколениям. А значит, наше и их будущее — не лишено надежды.